

**ФЕНОМЕН «ИНОЗЕМЧЕСТВА», ЯСАК И ДАРООБМЕН:
НАРОДЫ ПОВОЛЖЬЯ, УРАЛА И СИБИРИ В РОССИИ
КОНЦА XVI – НАЧАЛА XVIII ВЕКОВ**

А.Ю. Конев^{1, 2}

¹ *Федеральный исследовательский центр
Тюменский научный центр
Сибирского отделения Российской академии наук
Тюмень, Российская Федерация*

² *Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Российская Федерация
aldimoks@mail.ru*

Цель: обсуждение дискуссионных вопросов, касающихся: специфики подданства нерусских народов, входивших в сферу влияния бывших Казанского и Сибирского ханств и включавшихся с XVI в. в систему Московского царства; терминологии описания и классификации этого населения; особенностей положения туземных жителей, отнесенных к категории «ясачных»; роли дарообмена в процессе их интеграции в российскую государственную структуру.

Материалы исследования: статья базируется на изучении трудов предшественников по соответствующей тематике, а также письменных исторических источников, опубликованных и выявленных в фондах российских архивов.

Результаты и научная новизна: «иноземчество», как инаковость людей и сообществ в пределах российского политического пространства, их переходное состояние к полноценному подданству выражались в указанный период разными социо-политонимами. Основным был термин «иноземцы», использование которого рассматривается в качестве индикатора изменений в положении различных групп нерусского населения. Если применительно к автохтонам Поволжья и Приуралья производная от слова «иноземцы» лексика в официальном делопроизводстве в течение XVII в. сходит на нет, то в отношении народов, расселившихся от Урала до Тихого океана, она наоборот закрепляется. Это можно объяснить следующими причинами: темпами и степенью интеграции в систему Российского государства; удаленностью присваиваемых земель; продолжавшимся сопротивлением Кучумовичей, вовлекавшем в свою орбиту бывших подданных сибирского хана из числа местных тюрок и угров; периодическими «шатастями и изменами» сибирских ясачных людей; приверженностью их языческим культам и исламу при крайне незначительном числе новокрещенных. Одна из особенностей процесса подчинения туземцев Урала и Сибири – существенная роль в нем реципрокных взаимодействий. Региональный вариант модели управления через отношения взаимного обмена между властью и поданными нашел отражение в формуле жалованного слова, содержащейся в наказах сибирским воеводам конца XVI–XVII вв. Дарообмен в виде сдачи туземцами «поминочной рухляди» и ответных подарков и угощения был действенным средством обеспечения ясачного сбора. В отличие от Поволжья ясак здесь до начала XVIII в. так и не превратился в налог с земли, сохраняя черты дани за право проживать на ней.

Особенности положения различных групп ясачного населения и то, что предпосылки для выстраивания юридической связи с государством на основе принадлежности к определенной социальной страте находились ещё в стадии формирования, не

позволяют рассматривать разнородную массу «ясачных людей» в России XVII в. как сословие.

Ключевые слова: подданство, сословие, реципрокные отношения, иноземцы, ясачные люди, жалованное слово, дань

Для цитирования: Конев А.Ю. Феномен «иноземчества», ясак и дарообмен: народы Поволжья, Урала и Сибири в России конца XVI – начала XVIII веков // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 4. С. 760–783. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.760-783

**THE PHENOMENON OF “FOREIGNERS”, YASAK AND GIFT EXCHANGE:
PEOPLES OF THE VOLGA REGION, THE URALS AND SIBERIA IN RUSSIA
IN THE LATE SIXTEENTH AND EARLY EIGHTEENTH CENTURIES**

A.Yu. Konev^{1, 2}

¹ *Federal Research Center
Tyumen Scientific Center of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
Tyumen, Russian Federation*

² *Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
aldimoks@mail.ru*

Abstract: Objective: To discuss debated issues relating to the special characteristics of patriality of non-Russian peoples who had been in the sphere of influence of the former Kazan and Siberian Khanates and were included into the system of the Tsardom of Moscow in the sixteenth century; the classification of this population and the terminology used for its description; the special features of the status of the indigenous peoples classified as “yasak people”; and the role of gift exchange in the process of their integration into the Russian state structure.

Research materials: The article is based on the analysis of previous works on the topic under consideration and on the analysis of published historical sources or sources found in the collections of Russian archives.

Results and novelty of the research: The foreign status of the people and communities treated as the others within the Russian political space, and their transitional status on the way towards their full allegiance, were described with different socionyms and politonyms in the period under consideration. “Foreigners” was employed as the main term. It is considered as an indicator of changes in the status of various groups of the non-Russian population. The use of words such as “foreigner”, etc. faded away in the official paper work regarding the Volga region and Cis-Urals autochthonous population during the seventeenth century, even while it became widely used if talking about those peoples who settled in the territories from the Urals to the Pacific Ocean. This can be explained by the following factors: the pace and degree of integration of new lands into the Russian state system; the remote character of the new lands; the continuing resistance of Kuchum’s descendants who drew former Turk and Ugric subjects of the Siberian Khan into their orbit; the periodic “shakiness and betrayals” on the part of Siberian yasak payers; their commitment to pagan cults and Islam and the extremely small number of newly baptized people. Reciprocal in-

teractions played a significant part in the process of subjection of the indigenous peoples of the Urals and Siberia. The regional version of the governance model in the form of mutual exchange between the authorities and the subjects was reflected in the formula used in the “word of grand” (*zhalovannoe slovo*) included in the instructions to the Siberian voivodes of the late seventeenth and eighteenth centuries. Gifts and rewards to the indigenous population in response to the proffering of gift-furs (*pominochnaya ruhlyad*) were an effective means of providing the collection of yasak. In contrast to the Volga region, the yasak in the territories under consideration did not convert into a land tax and retained features of a tribute for the right to reside on the land until the beginning of the eighteenth century.

Thus, special features of the position of different groups who paid yasak were kept. The conditions for establishing a legal connection with the state on the basis of belonging to a certain social stratum were still being formed. As such, this situation does not permit us to consider a heterogeneous mass of “yasak people” in Russia in the seventeenth century as a social estate.

Keywords: allegiance, estate, reciprocal relations, foreigners, yasak people, word of grand, tribute

For citation: Konev A.Yu. The Phenomenon of “Foreigners”, Yasak and Gift Exchange: Peoples of the Volga Region, the Urals and Siberia in Russia in the late sixteenth and early eighteenth centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 4, pp. 760–783. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.760-783

Введение

Настоящая статья родилась как ответ на полемическую публикацию Г.Х. Самигулова, появившуюся в одном из номеров журнала «Золотоордынское обозрение» за 2018 год [33]. Этот автор актуализировал ряд важных вопросов, касающихся истории народов Волго-Уральского региона и Сибири в процессе их взаимодействия с Русским государством в XVI–XVII вв., взяв за основу критического разбора для формулировки темы дискуссии две недавние мои публикации. Затронутые им вопросы на самом деле являются предметом моего исследовательского интереса на протяжении уже достаточно длительного времени, поэтому несколько странно, что из всей совокупности соответствующих книг и статей оппонента он выбрал только эти, тем более что одна из них носит сугубо историографический характер и не раскрывает в полной мере оснований, позволяющих объяснить, почему я придерживаюсь тех позиций, на которые Гаяз Хамитович обратил внимание.

Еще один момент, о котором бы хотелось сказать в начале, касается рассмотрения Г.Х. Самигуловым в целом историографии основного вопроса, который он сформулировал так: «кто такие ясачные люди и что такое ясак в России XVI–XVII вв.» [33, с. 343]. Претендуя на новизну постановки и решения исследовательской задачи, он упустил относящиеся к теме классические труды В.Д. Дмитриева [6], В.И. Шункова [41], А.Н. Копылова [18], П.Н. Павлова [23, с. 5–16] и ряда других историков, весьма поверхностно оценил фундаментальную работу С.В. Бахрушина «Ясак в Сибири в XVII веке» [2], утверждая, что в ней автор не углубляется в «анализ статуса ясачного населения» и только кратко останавливается на том, «что же представлял собой ясак» [33, с. 344]. Такая оценка не отражает действительный вклад ученого в изучение этой темы. В целом реализованный подход к истории разработки вопроса не способствовал представлению релевантной историо-

графической картины, позволил умолчать достигнутые предшественниками результаты и обойти неудобные, не согласующиеся с некоторыми тезисами Г.Х. Самигулова факты и точки зрения.

Постановка задач

На мой взгляд требуется перезагрузка повестки дискуссии, предложенной Гаязом Хамитовичем, по крайней мере в той её части, которая касается спорных по его мнению тезисов оппонируемых им работ. Имеются ли у нас, на самом деле, существенные расхождения по таким вопросам как: статус/положение «ясачных иноземцев» в XVII в.; характер ясачной подати в Сибири и сопредельных регионах этого времени; связь ясака с практикой дарообмена, а если да, то в чем? Для этого необходимо прояснить следующее.

Первое, мое мнение о том что статус сибирского ясачного населения не был четко определен в нормативно-правовых документах XVII в. и критика тезиса Л.И. Шерстовой о немедленной, «с самого начала присоединения Сибири», инкорпорации аборигенов в социально-экономическую структуру государства не означают, что я полагаю, будто ясачное население не было включено в социальную систему Российского государства вовсе, как пишет Г.Х. Самигулов [33, с. 345]; просто мы имеем дело не с единовременными акциями, а с процессом. Мое скептическое отношение к факту существования сословий в Московском царстве XVI–XVII вв. и выведение за пределы тогдашней иерархии «чинов» сибирских «иноземцев» также не дают оснований делать за меня вывод о «невключенности» последних в российскую социальную структуру [33, с. 348]. Вопрос в механизмах и особенностях этого включения. К тому же «чинами» не исчерпывалось все многообразие социальных категорий в России того времени. Надуманным является и заключение о том, что в моем представлении термин «иноземцы» применялся лишь к сибирским народам [33, с. 346]. При этом Г.Х. Самигулов как бы не замечает статью оппонента, специально посвященную практике употребления этого термина в отношении народов Сибири конца XVI – середины XVIII вв. и анализу точек зрения историков на этот вопрос [16], а также подготовленного мною документального сборника «Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири в конце XVI – начале XX вв.», изданного в 1999 г. Эти публикации могли бы снять большую часть возникших недоумений, в том числе неосновательные претензии, касающиеся степени моего знакомства с соответствующими источниками. Изложенная ранее мною позиция относительно так называемых «внутренних иноземцев», прежде всего «ясачных», сводится к признанию незавершенности процесса их интеграции, присвоения им статуса полуподданных, как людям иного, неправославного исповедания [16, с. 83, 85]. Отмечу наличие более категоричных оценок на этот счет. Так, Ю.Л. Слѣзкин пишет, что «иноземцы оставались иноземцами, платили они ясак или нет» и «статус иноземца не имел ничего общего со статусом царского подданного» [34, с. 53, 56]. На мой взгляд, *имеет смысл обсуждать не «отсутствие»/«присутствие» ясачных и иных «иноземцев» в структуре России XVI–XVII вв., а исследовать вопросы о специфике и эволюции их положения в системе формирующейся империи, о содержании и значении термина «иноземцы» применительно к нерусскому населению окраин, расширяя хронологию до середины XVIII в. В этом контексте логично*

продолжить дискуссию и о правомерности применения сословной парадигмы при изучении социально-правового статуса «ясачных людей» в России второй половины XVI–XVII вв.

Второе, приписанные мне Гаязом Хамитовичем суждения о том, что «основным выражением подданства аборигенного населения Сибири на “ранней” стадии был не ясак, а “государевы поминки”» и то, что ясак якобы «не являлся формой государственной подати, а представлял собой форму “дарообмена”, то есть взаимоотношений с населением, которое не является подданными» [33, с. 346], грубо искажают содержание сделанных мною выводов. Чтобы расставить точки над *i*, вынужден процитировать соответствующий фрагмент статьи, к которой обратился Г.Х. Самигулов. В нем сказано буквально следующее: «ясак ... являлся осью всего спектра взаимоотношений ясакоплательщиков с царской властью» и «по мере освоения территории, замирения местных народов, укрепления их в подданстве ясак приобретал черты регулярности, характер подати, а не дани» [17, с. 44]. При этом оценка сибирского ясака конца XVI–XVII вв. как дани, имеющая прочную историографическую традицию [2, с. 2; 14, с. 129; 23, с. 6–7], никак не отменяет факта подданства плательщиков ясака, как, впрочем, не отменяет этого и дарообмен при ясачном сборе. Относительно «поминок» мною сказано, что этот полудобровольный сбор и следует «рассматривать как специфическую форму отдарка», а его параллельное существование и дальнейшее слияние с ясаком может быть «индикатором того, что ясак сохраняет черты дани» и того, как ясак постепенно превращается в налог [17, с. 48]. *Именно эти выводы, касающиеся роли дарообменных отношений в интеграции народов Урала и Сибири в систему Российского государства, и следовало бы предложить для дискуссии.*

Третье, заслуживает внимания затронутый Г.Х. Самигуловым вопрос о связи понятия ясака и «службы», ясака и «вотчинных прав» на угодья, находившихся во владении автохтонов. Напомню, что на материалах Западной Сибири XVII в. к этой теме обращался В.И. Шунков [41; 42]. Но рассматривать данный сюжет в контексте критики тезиса о «невключенности» ясачного населения в структуру Русского государства, как уже было отмечено выше, не имеет особого смысла. *Для анализа того, что в источниках именуется «вотчинами» применительно к владениям ясачного населения, следует изучить возникновение соответствующих прав на эти земли и их документальное оформление в процессе инкорпорации народов постордынских полтий в систему Российского государства.*

Обсуждение

В последние годы вышло несколько обобщающих работ, посвященных осмыслению российского опыта управления этно-конфессиональным разнообразием в процессе формирования и развития имперской системы [20; 30; 37]. Важным выводом, к которому пришли исследователи, состоит в том, что «адаптация присоединенных территорий к общегосударственным стандартам подданства и управления происходила медленно, растянувшись на полтора-два столетия. Правительство первоначально не форсировало этот процесс, часто довольствуясь лишь формальными признаками подчинения и

лояльности и исправным обеспечением налоговых платежей» [30, с. 854; 37, с. 596–597]. Существовали ли эти «общегосударственные стандарты подданства», и что вообще следует вкладывать в это понятие применительно к XVI–XVIII вв.? П.С. Шаблей заключает, что в XV–XVII вв. институт подданства в Руси/России был лишен «четкой, сугубо правовой, определенности». Представление о подданстве связывалось с «покорностью царю и признанием легитимности его власти», и само по себе присоединение «ещё не означало установления подданства в правовом смысле» [39, с. 116–117]. И.Г. Шауро обосновала положение о том, что в России ко второй половине XVI века термин «подданство» приобрел новое содержание и означал уже не крепостную зависимость, как ранее, а принадлежность к населению страны. До конца XVII в. «государство отдавало предпочтение крещению в православие, как способу принятия подданства», хотя существовал и второй путь – «натурализация в форме присяги на верность», при этом нормативного акта, регулирующего принятие подданства, выработано не было [40, с. 11–13, 20–23]. Т.А. Опарина полагает, что в XVI–XVII вв., «не сделав новых подданных членами русской церкви, правительство не приравнило их к русским гражданам. Иноверцы подданными в полном смысле этого слова так и не становились» [22, с. 6].

Исследуя механизмы подчинения постордынских государств и дальних сибирских «землиц» власти московских государей, большинство историков согласны с тем, что расширение на восток происходило за счет шертных (протекторатных) связей. Рассматривая шертование и понятие «подданство» в контексте дарообменных отношений, М. Ходарковский заметил, что только с проникновением в среду восточных иноземцев московского дипломатического языка запускался процесс их непосредственной интеграции в политическое пространство России [43, р. 46–75]. По мнению В.В. Трепавлова, заключение шертного соглашения не означало автоматического установления подданных отношений, и только «со второй половины XVI в. ... шертная грамота фактически стала служить начальной вехой обращения в российское подданство» [38, с. 158–159]. В.А. Слугина, опираясь на положения, сформулированные И.Г. Шауро, и развивая выдвинутый мною тезис о близости юридического значения шертования туземцев и крестоцелования русских на верность государю, исследовала на сибирских материалах способы формирования в XVII в. общегосударственного представления о подданстве [35, с. 7, 18–26]. Одним из них была унификация процедуры шертования и выработка формуляра шертовальных записей под влиянием формы «русской» присяги, посредством чего власть, по мнению В.А. Слугиной и А.С. Зуева, внедряла «свои политико-правовые нормы в “иноземческие” представления о господстве-подчинении» [12, с. 186].

1. «Иноземчество» и «ясашные иноземцы»: дискурс власти и власть дискурса

Исходя из представлений о подданстве, сложившихся в России конца XVI–XVII вв., возможно подойти к объяснению значений и функционирования термина «иноземцы» применительно к народам восточных окраин как своеобразному индикатору степени их интеграции в структуру государства.

Следует оговориться, что так называемые «внутренние иноземцы» [22, с. 6] были представлены несколькими группами. Самая заметная из них – это «служилые», в число которых верстались, в частности, представители привилегированных слоев бывших ханств и «княжеств», например «юртовские» татары в Сибири. Наиболее же многочисленную группу составили относившиеся к тяглому, ясачному населению. Именно она будет в фокусе нашего внимания.

Сравнительно позднее, примерно с середины 1620-х гг., начало активного употребления слова «иноземцы» для обозначения туземного населения Сибири, на мой взгляд, могло быть обусловлено тем, что язык описания её исконных обитателей претерпевал определенную адаптацию и изменения, на это потребовалось время. «Иноземчество», как инаковость в пределах русского политического пространства и переходное состояние к полноценному подданству оказавшихся в сфере этого пространства людей и сообществ, могло выражаться разными политонимами, не только словом «иноземцы».

К концу XVI в. для описания индигенных сибирских социумов сложились языковые штампы и термины, связанные с политической географией региона. На материалах опубликованных источников это хорошо показал П.С. Игнаткин. В царских грамотах и дипломатической переписке конца XVI – первых двух десятилетий XVII вв. тюрки и угры Верхотурского, Пелымского, Тюменского, Тобольского и Томского уездов нередко обозначались как «сибирские люди», «Сибирские земли ясашные люди» и «сибирцы» [13, с. 155–159]. Такая номинация указывала на их принадлежность к Сибирскому ханству или зависимость от него в недавнем прошлом, и может рассматриваться как свидетельство незавершенности процесса присвоения этой территории. Соответствующая терминология присутствует и в сохранившихся текстах наказов сибирским воеводам рубежа XVI–XVII вв. В качестве примера приведу выдержки из наказов 1599 г. тобольскому воеводе С.Ф. Сабурову и сургутскому воеводе Ф.Т. Долгорукому. Во вновь появившейся тогда наказной статье – «жалованном слове» (жалованном слове), адресованном «князем, мурзам и лучшим людям» из татарских и остяцких волостей, говорится: «и они б, Сибирские земли, всякие люди, жили в его царском жалованье во всем во облегченье, и в покое, и в тишине, безо всякого сумнения»¹. П.С. Игнаткин отмечает смысловую деформацию словосочетания «сибирские люди», которая произошла к концу первой четверти XVII в., когда им стали обозначать и русское население Сибири [13, с. 159]. Вероятно не случайно, что именно с 1620–1630 гг. слово «иноземцы» все чаще используется при обозначении сибирских ясачных людей в приказной документации.

Отмечу, что даже при отсутствии в жалованном слове термина «иноземцы» (в наказах первой половины XVII в.) оно, своим содержанием, красноречиво сообщает об этом статусе автохтонов. По сути, «слова» было два. Одно адресовалось «русским людям», другое – туземному населению. Второе, помимо прочих особенностей, о которых еще будет повод сказать, содержало принципиально важный момент, заключавшийся в своеобразной пролонгации шерти, факт принесения которой знаменовал переход под власть рус-

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1. Л. 71; Кн. 2. Л. 93.

ского царя: «и государю царю и великому князю (имярек) всеа Русии самодержцу служили и прямили во всем по своей шерти»². В текстах сохранившихся наказов воеводам Поволжья этого времени краткое жалованное слово мы находим в наказе казанскому воеводе Ю.П. Ушатому 1613 г. Оно было обращено только ко «всяким казанским служилым людям» [7, с. 287–288]. В дальнейшем в казанских наказах такой специальной статьи не обнаруживается [7, с. 290–416]. Нет её и в наказе царевококшайскому воеводе 1628 г. [8, с. 66–71]. Напротив, в наказах сибирским воеводам до конца XVII в. жалованное слово непременно присутствует. Этот факт можно рассматривать как один из признаков особого положения Сибири и народов, ее населяющих, в структуре Русского государства.

Свидетельством того, что царское правительство рассматривало Сибирь в XVII в. как край, ещё находящийся в процессе укрепления за Русской державой и населенный племенами, готовыми «отложиться» от нее, служит наказ царя Алексея Михайловича Николаю Спафарию, отправленному с русским посольством в Китай в 1675 г. Ему предписывалось выяснить какие люди живут «меж Сибири и Китайского государства» и «которые князьки особные живут, и Великому Государю они послушны ли» или «голдуют кому иному» [29, с. 152]. В своем описании путешествия Н.Г. Спафарий, в частности, сообщил, что реки сибирские называются так, как «именовались прежде взятия Сибири от иноземцов – от татар или от остяков», отмечая, что Кучум «владел пространно», не только «над татары, но и над остяками, и над иными иноземцы» по Иртышу и Оби. [29, с. 47]. Зависимость в прошлом от власти Кучума и отсутствие после подчинения Москве каких-либо заметных изменений в религиозном отношении у этих народов в пользу православия представлены русским посланником как потенциальная угроза и признак «иноземчества». Не случайно, что в наказе тобольскому воеводе М.Я. Черкасскому 1697 г., как и ранее его предшественникам, указывалось: «проводывать ... чтоб собрався Кучумовы внучата, и нагаи, ... войною не пришли». При этом полагалось «учинить» юртовским, ясачным и захребетным татарам «заказ крепкой», чтоб они «ни с какими немирными иноземцы не съезжались и не ссылались ... а помнили б свое верное при шерти к Великому Государю обещание» [26, с. 339, 345].

Приведенные факты не позволяют согласиться с мнением А.С. Зуева и П.С. Игнаткина, о том, что в документах правительственных учреждений социополитоним «иноземцы» в отношении аборигенов Западной Сибири, за исключением самоедов, «на протяжении всего XVII в. употреблялся преимущественно в нейтральном значении, обозначая ясачноплательщиков, и не нес в себе явно выраженного смыслового указания на опасность с их стороны» [11, с. 73]. Фактор реальной и воображаемой угрозы со стороны всех групп туземного населения был актуален и здесь, находя отражение в соответствующей лексике. Приведу еще два примера. В 1618 г. верхотурский воевода Ф.С. Плещеев сообщал в Москву о недостатке служилых людей для защиты острога от «иноземцев – татар, остяков и вогул»³. В переписке 1662–1663 гг. между воеводами ряда уездов Тобольского и Томского разрядов по поводу

² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1. Л. 71об.; Кн. 2. Л. 93.

³ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Ч. II. Д. 123. Ч. 2. Л. 1.

«шатости и измены» березовских остяков «изменные речи» татар, сообщенные этим остякам изложены так: «Березовский де город взяв, быть на Березове обдорскому князю Ермаку Мамрукову, а в иных де во всех сибирских городех быть иноземцам лутчим людем» [10, с. 308].

Как известно таинство крещения открывало путь к преодолению «иноземческого» состояния. Использование термина «иноземцы» в контексте описания фактов религиозной конверсии подчеркивало конфессиональную и социальную границы, оттеняло положение «остающихся в неверии». В извете Сибирскому и Тобольскому архиепископу Макарию березовский сын боярский Григорий доносит, что в 1634 г. «иноземцы, остяцкие люди» сообщали воеводе А.А. Плещееву о том, что приезжают к ним, «иноземцам», крещенные остяки с женами и детьми «и делают у них, живучи в юртах, богомерское дело»⁴. В датированном 9 сентября 1670 г. свидетельстве игуменьи «Покровского девичья монастыря» Марфы, приложенном к челобитной с просьбой о крещении, говорится, что «под началом де у нее была иноземка вагулка Анница шесть недель»⁵. В сохранившемся тексте доношения в Синод новокрещенных тюменских татар по поводу необоснованного приговора Тобольского надворного суда, читаем: «А ныне пришла грамота Его Императорского Величества преосвященному архиерею схимонаху Феодору крестити иноземцов, и мы, бедные, пошли от татар безкабальные их люди и покрестились в христианскую веру»⁶.

Не удивительно, что слово «иноземцы» редко встречается в документах фискального учета (сметных и пометных списках, окладных ясачных книгах и т.п.). В этих случаях в нём не было особой необходимости. Здесь «ясашные люди» интересовали власть, прежде всего, как плательщики ясака. Тем не менее, с середины XVII в. словосочетания «ясашные иноземцы/иноземцы ясашные люди/сибирские иноземцы» употребляются все чаще. Эти формулы становятся устойчивым обозначением всех сибирских автохтонов, положенных в ясак. Они прочно входят в тексты наказов сибирским воеводам [1, с. 450–454; 10, с. 357, 360; 26, с. 353, 354, 367], иногда появляясь даже в жалованном слове [26, с. 377]. Показательным является и заключительное предложение Окладной книги Сибири 1697 г.: «А всего во всей Сибири всяких чинов русских людей и иноземцов ясашных людей, которые под властью великого государя, 63115 человек» [21, с. 263]. Иная картина прослеживается в номинации ясачных Поволжья. Судя по наказам казанским воеводам, опубликованным В.Д. Дмитриевым, под «иноземцами»/«всякими иноземцами» в них фигурируют «литва», «немцы», и «черкасы», и, возможно, татары из числа «служилых». При этом «ясашные люди» обозначены как особая группа наряду или в противопоставлении «иноземцам», нередко получая этнонимическую конкретизацию: «чюваши, черемиса, вотяки» [7, с. 292–293]. Словосочетания «ясашные иноземцы» не встречается. В наказе царевкокшайскому воеводе 1628 г. термин «иноземцы» вообще отсутствует [8].

⁴ РГАДА. Ф. 833. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁵ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Ч. II. Д. 149. Ч. 2. Л. 372.

⁶ Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в городе Тобольске» (ГБУТО ГА в Тобольске) Ф. 156. Оп. 1. Д. 1143. Л. 19.

В.Н. Татищев, составляя в 1740-х гг. свой знаменитый «Лексикон», отметил, что слово «иноземец» иногда «у нас за иноверца, и инородного, и за иноязычника употребляют» [36, с. 90]. Для первой половины XVIII в. это замечание верно прежде всего для народов Сибири, что подтверждается текстами законодательных актов [27, с. 234; 28, с. 821] и делопроизводственных документов⁷. Примечательны случаи подчеркнутого отличия в номинации сибирских ясачных от таковых же остальной части империи. Так, в указе Сената от 26 марта 1726 г. об исключении из подушной переписи, произведенной И.В. Солнцевым-Засекиным, крестившихся туземцев в Сибири сказано, что по именному указу от 22 января 1719 г. было велено брать «сказки» и о татарах, и ясачных «кроме ... астраханских и уфимских татар, и башкирцов, и сибирских ясачных иноземцов» [28, с. 595]

Термин «иноземцы» использовался в XVII – первой половине XVIII в. для идентификации автохтонного населения Сибири заметно реже этнонимических обозначений (татары, остяки, вогулы, самоеды и т.п.) и выражений «ясачные/ясачные люди», но не настолько, что бы признать его в этом смысле «неосновным» и «несоответствующим лексике документации» того времени [33, с. 347–348]. Моим оппонентом были проигнорированы все заметные случаи использования данного термина в опубликованных и неопубликованных источниках. Сама по себе частотность применения термина не является исчерпывающим аргументом в выяснении его значимости. Важны не столько количественные параметры, сколько контексты употребления и масштабы обобщения, что хорошо видно из приведенных выше примеров. В этой связи обращу внимание на выявленные новосибирскими коллегами сочетания слова «иноземцы», при обозначении сибирских народов в XVII в., с другими указателями: политико-административными, этническими, географическими, культурными, временными, хозяйственными [11]. Вариативность этих комбинаций также не позволяет отмахнуться от данной терминологии как несущественной и нехарактерной. Наконец, следует отметить длительность использования термина «иноземцы» в сочетаниях с соответствующими словами-указателями в отношении практически всех туземных народов Сибири. Если применительно к индигенному населению Поволжья и Приуралья производная от слова «иноземцы» лексика уже в XVII в. сходит на нет, то за Уралом её употребление набирает обороты, она становится все более привычной, сохраняясь до середины XVIII в. В этом можно видеть один из признаков существенной разницы в положении народов Поволжья и Сибири, что было обусловлено темпами и степенью их интеграции в социально-экономическую систему России.

2. Ясак, «ясачные вотчины», дарообмен

С.В. Бахрушин, наметив этапы в эволюции ясака как дани от неокладного к окладному сбору и затем превращающегося в налог, первым обратил внимание на разницу в его социально-экономическом содержании в XVII в. у народов Поволжья и Сибири. На территории Казанского уезда в это время

⁷ Например, см.: РГАДА Ф. 214. Оп. 1. Ч. 8. Д. 6942. Л. 91, 99об.–100, 222об., Оп. 5. Д. 675. Л. 10об.–11; Ф. 248. Оп. 4. Кн. 180. Л. 1337, 1349, 1353об., 1393об.

словом «ясак» обозначали уже не поголовный оклад, а простую единицу обложения: «на один “ясак” полагается определенное количество земли» [2, с. 34]. В.Д. Дмитриев уточнил выводы С.В. Бахрушина на более широком материале поволжских народов и подчеркнул, что ясак (денежный и хлебный) у них уже со второй половины XVI в. не являлся данью, а был с одной стороны феодальной рентой, так как «взимался с площади обрабатываемой земли, являвшейся собственностью феодального государства», с другой – выступал государственным налогом. По его мнению ясачные из нерусских народов Поволжья, в отличие от таковых же Приуралья и Сибири, в XVII в. фактически являлись государственным крестьянами [6, с. 108, 115].

Процесс трансформации неокладного ясака в окладной в Сибири и на Урале до сих пор недостаточно изучен. Е.В. Вершинин считает, что окладной ясак «предусматривал точно фиксированный размер дани, исчисляемой первоначально количеством шкурок зверей ценных пород» [3, с. 387]. На мой взгляд реальный переход к окладному ясаку в Сибири следует связывать с установлением оценки собираемой пушнины деньгами. Первые шаги в этом направлении были сделаны в середине 1620-х гг. В грамоте царя Михаила Федоровича тобольским воеводам А.А. Хованскому и М.А. Вельяминову от 15 ноября 1625 г. констатируется, что «в приходных книгах по 7133 [1624/25] год» отправленная в Москву из сибирских городов «мяхкая рухлядь записывана присылкою, а не окладом». В 1624 г. в Приказе Казанского дворца «сибирской мяхкой рухляди по сибирской и по московской цене учинен оклад, и в приходных книгах вперед велено писать окладом»⁸. На деле в «цену» перевели, по всей видимости, не фактический сбор, а прежние «меховые оклады» и унифицировать их не удалось в XVII в. даже в таких небольших и наиболее освоенных уездах, как Тюменский, Туринский и Верхотурский [41, с. 194–197]. С.В. Бахрушин обоснованно отметил, что «строго установленный индивидуальный оклад» часто оказывался «фикцией», ясачные сборщики просто подгоняли полученные взносы под сметные и пометные расчеты [2, с. 33]. В Западной Сибири, не говоря уже о Восточной, до середины XVIII в. не были введены единые принципы ясачного обложения: где-то брали поголовно, где-то с волости, улуса и рода; где-то был введен фиксированный размер, где-то (как правило в отдаленных или «вновь приисканных земляцах») брали «хто сколько поволно даст» [2; 3, с. 384–403; 18; 19, с. 230–236].

Важным отличием ясачного обложения в Сибири от Поволжья в конце XVI–XVII вв. было то, что размер угодий, в том числе годных к пашне, здесь не брался для расчета, чем бы ясак не взимался – пушниной, деньгами, хлебом. Объектом обложения выступало само туземное население. При этом его связь с территорией была до известной степени условной: «волости» или значительная часть приписанных к ним «иноземцев» могли «сойти» и объявиться в другом месте [9, с. 82]. Обратив внимание на единичные примеры в Верхотурском уезде зачисления русских «в убылые места ясачных людей», В.И. Шунков пишет, что только к концу XVII столетия «ясак как бы перестает ... связываться с туземным происхождением ясачного человека и начинает приобретать черты повинности, отбываемой с земли, “с ясачных вотчин”»

⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 6. Л. 537, 538об.–539.

[41, с. 186]. На постепенности процесса трансформации ясака из дани в ренту, уплачиваемую в пользу государства за пользование землей, настаивал, в соответствующем разделе академической «Истории Сибири», А.Н. Копылов [14, с. 6, 129]. Разделяя эту точку зрения, П.Н. Павлов подчеркнул, что ясак в XVII в. «превращался, а не превратился в феодальную ренту», сохраняя черты «неэквивалентного обмена» [23, с. 7].

Сам по себе факт регулярной сдачи ясака «окладом» не был исчерпывающим признаком преодоления «иноземческого» состояния. Сибирский приказ в конце XVII в. разъяснил, что «в державе Великого Государя Московского государства ... всяких чинов православные христиане и разные иноземцы с земель и с угодьев подати», в том числе «мяхкую рухлядь», платят «неотложно», ибо во всех странах и «природный человек», и «пришлой иноземец» никакими землями «безобзорно и безданно не владеют»⁹. Платящий эту дань (и в этом смысле подданный) иноземец, в том числе ясачный, мог оставаться таковым.

Есть все основания считать, что ясак в Сибири как минимум до начала XVIII в. – отнюдь не налог с земли, а дань за право проживать на ней. Право это реализовывалось в форме пожалования туземцам по признаку «старинности давней», что совпадало, как отметил В.И. Шунков, с представлениями на этот счет, «сложившимися ... у части сибирского населения, еще до прихода русских» [42, с. 62]. Владение «по старине» этими землями, теперь являвшимися «государевыми», со временем осмысливается и закрепляется как владение по праву отбывания тягла. Можно ли его считать владением на «вотчинном» праве и является ли использование в источниках XVII в. слова «вотчина» для обозначения закрепленных за ясачными землей достаточным основанием для такого вывода? Не вступая в подробную дискуссию по этому вопросу, отмечу один интересный факт. В 1751 г. ясачные татары Каскаринских юрт в доказательство того, что владели «истари» рыбными ловлями, представили «выпись», выданную их «дедам и отцам» в июле 1686 г. «в бытность столника и воеводы Колобова» (вероятно из переписной книги Л.М. Поскочина). В этой «данной» содержались ссылки на 14, 27, 41, 43 и 63 пункты XVI главы Соборного Уложения¹⁰. Как известно, глава эта называется «О поместных землях». Характерно и указание на 14 пункт. Он посвящен «иноземским поместьям», которые «мимо иноземцов» предписывалось «никому не давать» [25, с. 76]. Итак, мы имеем прямое указание, что эти угодья тюменских татар в конце XVII в. приравнивались к поместным дачам, а не вотчинам.

Определяя сущность и эволюцию ясака в Сибири в конце XVI–XVII в., исследователи указывают на специфику его сбора посредством дарообмена и менового торга, зачастую тесно связанных между собой [2, с. 22–32; 3, с. 390, 400; 14, с. 129]. Здесь следует особо сказать о так называемых «поминках». С.В. Бахрушин отмечает, что в отличие от дани-ясака, которая была еще с дорусских времен «сопряжена с понятием чего-то позорящего», туземцы с большей охотой соглашались на полудобровольные «поминки». Так, кодские остяки и остяки «Бардакова княжества», оказавшись под русской властью, делали «тонкое различие между обоими видами поборов»,

⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 4. Кн. 1199. Л. 3-3об.

¹⁰ Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив Тюменской области (ГБУТО ГАТО). Ф. И-47. Оп. 1. Д. 2095. Л. 117, 118об.

видя определенную независимость в платеже «поминок», которые в данном случае соответствовали «древнерусскому “дару”» [2, с. 2–3, 11]. Несмотря на то, что постепенно размер приносимой государевой и воеводской «поминочной рухляди» был в ряде уездов зафиксирован, её символическое значение сохранялось и было актуально как для приносящей, так и для принимающей стороны. Иначе как объяснить, что в Сибири этот взнос до половины XVIII в. подлежал особому учету? Характерно, что в наказах поволжским воеводам в XVII в. аналогичные сборы с ясачных людей строго запрещались, и, в отличие от соответствующих инструкций сибирским воеводам [10, с. 348–349; 26, с. 339, 367], «государевы» и «воеводские поминки» не санкционировались и не оговаривались [7, с. 287–414]. Я уже отмечал, что параллельное существование ясака и «поминков» в Сибири можно рассматривать как признак того, что ясак сохраняет черты дани, а их слияние – как один из индикаторов превращения ясака в налог.

Символический дарообмен играл важную роль в процессе подчинения сибирских туземцев и последующего укрепления их в подданстве. В наказе 1595 г. сургутским воеводам предписывалось: «а которые князьки и ясашные татарове учнут приезжати в новой город в Сургут с вестьми или с ясаком, и тех князьков поить и кормить, и приводить к шерте».¹¹ Угощение должно было быть непременно и обильным, иначе принимающая сторона могла понести репутационные издержки, а принимаемая – отказаться от обязательств. Томский воевода В.В. Волынский в своей отписке царю Василию Шуйскому 1608/1609 гг. с жалобой на злоупотребления письменных голов М. Ржевского и С. Бартенева подчеркнул, что «кормят де Матвей и Семен иноземцов, которые приходят с ясаком, по одинове на день, и от того де твоему царскому имени позорно, и в ясашных людех смута» [31, стб. 185–186]. Потчевать от имени государя представителей сибирской туземной элиты с 1599 г. стало обязанностью вновь назначенных воевод при их прибытии на место. После зачтения жалованного слова полагалось «напоить и накормити» приглашенных по такому случаю «мурз и из волостей ясачных лутчих людей»¹² [10, с. 347]. Власть достигала этим две важные цели: она подчеркивала свой главенствующий статус и ставила принимающих «государевы» еду и питьё в положение обязанных. Одним из подтверждений того, что до самого конца XVII в. это предписание наказов воеводам не превратилось в пустую формальность, может служить наличие в ведомостях о расходах 1698–1699 гг. практически всех сибирских городов особой статьи «ясашным иноземцам на корм и на подарки» [32, стб. 689–690, 787–788, 797–798, 819–820, 829–830, 835–836, 845–846, 855–856].

С.В. Бахрушин и Е.В. Вершинин уже приводили сведения о практике угощения прибывавших с ясаком в северные города мурз и князцов, о ежегодных поставках в Березовский уезд «горячего вина» и посылки в Мангазею, Енисейск и на Лену «подарочной казны»: одекуя, «барабанского» олова, изделий из железа, а также муки и масла, для обеспечения взимания ясака [2, с. 24–25; 3, с. 393, 399–400]. В фонде Тюменской приказной избы удалось выявить уникальный середины XVII в. фрагмент книги выдач татарам за

¹¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1. Л. 5.

¹² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 2. Л. 54об.–55, 94об.

сданные ясак и поминки. Из ее содержания следует, что «ясаулам» и «рядовым» ясачным людям Шикчинской и Каскаринской, Терсяцкой, Киньирского городка и Бачкырской, Иленского городка, Пышминской и Исецкой волостей регулярно в январе/феврале выдавалось по несколько ведер пива, «да по хлебу человеку» за то, «что заплатили в казну великих государей воевоцкие поминки мяжкою рухлядью» и за «кунной и денежной ясак»¹³. Этот пример – ещё один факт, опровергающий тезис Г.Х. Самигулова о том, что связанная с поминочным и ясачным сборами практика дарообмена существовала лишь в отдаленных северных и восточных районах Сибири, где автохтонное население до прихода русских не сталкивалось с необходимостью выплаты дани [33, с. 363–364]. Нельзя согласиться и с его заключением о том, что дарообмен вообще был характерен только для социумов, находившихся на «догосударственной стадии развития» [33, с. 364]. Критика теории М. Мосса о даре показала, что дарообмен как универсальная форма взаимоотношений не является исключительной принадлежностью архаических сообществ и присутствующих им экономик [5; 45].

Таким образом логика реципрокных взаимодействий в рассматриваемый период использовалась для выстраивания иерархических отношений между государством и туземными сообществами. Подарки, угощение и связанные с ними цепью дарообмена «поминки» служили повсеместно в Сибири важным средством обеспечения ясачного сбора. Локальные особенности состояли в преобладании тех или иных форм этого обмена и в их соотношении/сочетании с другими методами привлечения/принуждения к ясаку, например, посредством взятия аманатов.

3. «Ясачные люди» – социальный агломерат или сословие?

Вопрос существования сословий в России XVI–XVII вв. на самом деле является спорным. Упрощение (а по сути игнорирование) этого факта моим оппонентом выглядит своеобразным методологическим и историографическим «бегством» от содержания современных дискуссий на эту тему. Не вдаваясь в их разбор и отсылая интересующихся к соответствующему разделу новой обобщающей монографии, посвященной социальной стратификации в истории России [4, с. 63–117], обращаю внимание на мнения некоторых современных отечественных исследователей. Отмечу, что не все историки, специализирующиеся на изучении XVI–XVII вв. однозначно придерживаются сословной парадигмы. В качестве примера приведу мнение В.Б. Перхавко. Он отметил, что «московские служебные чины (ранги) обозначали предсословные группы, позднее, в XVIII в., слившиеся в сословия» и подчеркнул, что «с историко-терминологической точки зрения политический строй Московского царства середины XVI – середины XVII в. правильнее характеризовать как чиновно-представительная, а не сословно-представительная монархия» [24, с. 73]. А.Б. Каменский полагает, что термин «сословие» вряд ли адекватно отражает особенности социальной стратификации допетровского периода России и «скорее является ложно ориентирующим», так как «привносит в понимание статуса различных социальных групп отсутствовавшие в реальности черты». Важно и другое его замечание, о том, что Соборное

¹³ ГБУТО ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 908. Л. 1–6об.

Уложение 1649 г. определяло «главным образом запреты и ограничения, в лучшем случае обязанности, но никак не права и привилегии» [15, с. 28]. Оно имеет принципиальное значение, вне зависимости от того, какого подхода придерживается исследователь – нормативного (используя «сословие» как аналитическую категорию, социологический конструкт) или позитивного (когда в качестве «сословий» рассматриваются только те социальные группы, которые так называются в источниках) [подробно об этих подходах: 4, с. 660–663]. Следует признать, что выстраивание юридической связи с государством на основе принадлежности к определенной социальной страте в XVII в. находилось в стадии формирования, а к сословию, с точки зрения нормативного подхода, ближе всего была категория «служилых людей», хотя и весьма пестрая по составу.

Положения Соборного Уложения, адресованные «иноземцам», «татарам» и «ясачным людям» [25, с. 41, 71, 80, 81, 129, 133, 137], формулировались с опорой на практику и предшествовавшие указы, касавшиеся поволжских народов и так называемых «выезжих» служилых иноземцев. «Сибирский след» здесь фиксируется только в одном случае – запрете в Астрахани и Сибири покупки, принудительного крещения и вывоза «татар и татарченков» оттуда «на Русь». Более общий генезис и соответствующее значение имели, возможно, лишь положения, касавшиеся новокрещенных «иноземцев» и присяг по взаимным искам русских и «иноземцев». В этом смысле Уложение на самом деле практически «не заметило» туземное население Сибири. Действие его отдельных норм постепенно распространялось на сибирских автохтонов в силу возникающих прецедентов в практике управления регионом посредством грамот и указов по конкретному делу. Характерно, что в отличие от наказов воеводам Среднего Поволжья, в статьях наказов сибирским воеводам второй половины XVII в., касавшихся ясачного населения, ссылки на нормы Соборного Уложения не встречаются. Об этом свидетельствует, к примеру, сравнение содержания казанского и тобольского наказов 1697 г. [26, с. 284–287, 335–375].

Вряд ли можно утверждать, что Уложение, установив лишь некоторые обязанности (а не права) «ясачных людей», формировало соответствующую корпорацию/ сословие. Это же относится и к воеводским наказам. Замечу, что в них, как и в Уложении, туземцы обозначаются несколькими терминами, имеющими этнонимическое, конфессиональное, фискально-податное значение. Это допускало одновременное существование разных классификационных критериев и самих классификаций. Следует согласиться с мнением о том, что монархия XVII в. «как бы следовала пластике» сложившейся структуры, «лишь фиксируя с помощью соответствующих нормативно-законодательных распоряжений ту удивительную вариативность социальных страт и связей, которая досталась им от предшественников» [4, с. 654]. Шерти не определяли прав ясачных поданных, а апеллирующее к шерти жалованное слово только в самом общем виде декларировало их право проживать на государевой земле и заниматься свойственными им занятиями. Скорее это была формулировка условий подданства и некоторых гарантий, позволявших обеспечить уплату дани-ясака.

В качестве аргумента в пользу существования сословия ясачных приводятся факты (для Сибири единичные, зафиксированные в конце XVII в. в

двух её западных уездах) перевода в число плательщиков ясака русских, завладевших ясачными землями. Но это, скорее, предмет для изучения эволюции ясака, чем доказательство существования упомянутого сословия. Г.Х. Самигулов указывает на два примера перехода в ясачные из якобы русских людей по Верхотурскому уезду в начале и второй половине XVII в. [33, с. 350–351]. Анализ содержания соответствующих цитат не позволяет признать эти примеры корректными. Отнесение к русским или крещеным на основании одних имен и прозвищ крайне неосмотрительно, как и констатация на этом допущении зачисления русских или «новокрещен» в ясачный оклад. Фигурирующее в источнике имя Богдан в церковном православном календаре не значит. Более того, говорится, что «сотник Богдашка Орлик» был вместе со своей сотней приведен Данилой Шавковым «по их вере к шерти» (!), аналогичное шертование упоминается и в случае с Ивашкой Миткиным и его ясачными людьми. Невозможно представить шертующего по языческой или мусульманской вере русского или новокрещенного человека. Русский/православный приступал к присяге на верность исключительно в форме крестоцелования. По всей видимости, эти лица, получившие в силу частых контактов с русскими соответствующие имена, были «вогульской породы», а не «русскими ясачными».

Учитывая всё вышесказанное, вести речь о чётком определении социально-правового статуса ясачных и, тем более, о формировании некоего сословия «ясачных людей» в XVII в. – нет достаточных оснований. За этим обозначением скрывалась разнородная масса индигенного населения от Волги до восточносибирских фронтиров, имевшая региональные и локальные отличия: в подконтрольности государственным институтам и степени интеграции в российское политическое и экономическое пространство; в нормах и формах ясачного обложения и практике взимания податей; в административно-территориальном устройстве и организации управления; в компетенциях и полномочиях автохтонной элиты, осуществлявшей взаимодействие местных сообществ с русской властью.

Маркировка разношерстной массы плательщиков ясака общей терминологической рамкой была обусловлена стремлением к «созданию относительно простой и функционально понятной социальной структуры» [4, с. 654], фиксацией некоторых очевидных отличий от остальных категорий населения. В этой связи примечательно, что в Соборном Уложении [25, с. 41, 71, 80, 81, 129, 137] и «ясачные люди», и «иноземцы» противопоставляются «всяких чинов русским людям», на что также обратил внимание М.А. Киселев [4, с. 129]. Такое противопоставление прослеживается и в текстах воеводских наказов¹⁴. При этом «ясачные иноземцы»/«ясачные люди» не определялись через понятие «чин». Именно это имеется в виду, когда я говорю, что данные социальные группы оказывались вне рамок чиновного деления, принятого в Русском государстве XVII в.

Выводы

Приведение в русское подданство автохтонных сообществ и укрепление их в нём следует рассматривать как длительный исторический процесс.

¹⁴ См. тобольские наказания начала XVII в.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 2. Л. 9–15об., 48об.–57 и наказания якутскому и тобольскому воеводам второй половины XVII в. [1, с. 450–454; 10, с. 346–347].

Представление о подданстве как специфическом правоотношении, связи с монархом и принадлежности к населению страны, в которой он правит, складывается в Московском государстве к рубежу XVI–XVII вв. Это происходило в условиях непрерывного территориального роста и включения в политическую орбиту Москвы большого числа «иноверцев», «чужеземцев». Вырабатываются механизмы их инкорпорации, главными из которых были принятие крещения и принесение присяги/шерти. Светские и церковные власти формулируют терминологию для обозначения отличия этих новых групп подданных от природных «истинно православных» жителей.

При расширении России на восток термин «иноземцы», соединяя в себе качества политонима, соционима и конфессионима, выполнял функцию максимально обобщенного представления и обозначения автохтонных социумов, с которыми столкнулись русские в Поволжье и за Уралом. «Ясачные» – выступало обобщающим термином второго порядка, конкретизируя положение массы «черных», тяглых людей. В практике их применения, в соотношении и взаимном дополнении проявлялись региональные особенности процесса инкорпорации индигенного населения и специфика взаимодействия с ним. Закрепление и длительное существование «иноземческого» дискурса применительно к сибирским народам было обусловлено: значительной удаленностью территорий их обитания, к началу XVII в. мало знакомых русским или полностью неизведанных; продолжавшимся и после падения Сибирского ханства сопротивлением со стороны Кучумовичей, вовлекавшем в свою орбиту тюрков и угров Урала и Западной Сибири; периодически и повсеместно возникавшими «шатостями» и «изменами» ясачного населения; приверженностью автохтонов языческим культам и исламу при незначительном числе крещенных из них до начала массовой христианизации.

Важную роль в процессе интеграции народов Урала и Сибири в состав России играли основанные на обмене дарами реципрокные и иерархические отношения. В клаузуле «жаловального слова» нашел отражение сибирский вариант модели управления населением окраин через связи взаимного обмена (reciprocity). В. Кивельсон и Р. Суни интерпретируют их посредством «метафоры “взаимности”», трактуя как обоюдные уступки власти и подданных [44, р. 6].

Предложенная Г.Х. Самигуловым градация ясачного населения по трем категориям [33, с. 342, 362–364], на мой взгляд, не является бесспорной и вполне оригинальной. Во-первых, не реализованы последовательно единые критерии при определении этих категорий. Во-вторых, приведенная им социально-экономическая характеристика ясачных Поволжья была дана еще советскими исследователями 1920–50-х гг. В-третьих, попытка обосновать значительные отличия в правовом и податном положении ясачных Урала и юго-запада Сибири от ясачных туземцев севера и северо-востока Сибири не представляется убедительной. При этом отсылки к неразвитой социальной структуре одних этно-территориальных групп и опыту существования других в рамках постордынских государств [33, с. 342] имеют весьма неопределенный характер и мало что дают для объяснения реалий ясачного подданства и сбора ясака в Сибири конца XVI – начала XVIII вв.

Проведенный анализ источников, с учетом работ предшественников, позволил выявить следующие существенные отличия между ясачными Поволжья и Сибири (включая Средний Урал):

– социо-политоним «иноземцы» и производная от него лексика активно применялись с 1620-х гг. до половины XVIII в. ко всем группам автохтонов от Верхотурского уезда до Восточной Сибири включительно, в то время как в отношении ясачных Поволжья употребление этой терминологии сходит на нет уже в XVII в.;

– в Сибири до начала XVIII в. было актуальным символическое возобновление шерти (присяги на верность) посредством жалованного слова при каждой смене воевод, в Поволжье этого не прослеживается;

– дарообмен в виде подарков, угощений («корма») и ответной «поминочной» и «поклонной рухляди», с момента вступления в подданство туземцев и в дальнейшем при сборе с них ясака, повсеместно существовал в Сибири, для Поволжья такая практика в XVII в. не была характерна;

– ясак у всех групп туземного населения от Урала до Тихого океана в той или иной мере сохранял до начала XVIII в. черты дани, тогда как в Поволжье он уже к XVII в. представлял собою ренту/налог.

Указанные отличия и локальные особенности ясачного населения внутри каждого из названных макрорегионов наряду с нечеткостью определения его статуса нормативно-правовыми актами не дают оснований говорить о «ясачных людях» в России XVII в. как о сословии. Социально-правовое положение этой специфической части подданных в рассматриваемый период требует дальнейшего изучения и теоретической разработки. Представляется актуальным и перспективным исследование того, как опыт интеграции народов Поволжского региона и управления ими учитывался в ходе русского присвоения территорий к востоку от Урала и приведения в подданство проживавших там «иноземцев».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. IV. СПб., 1842. 599 с.
2. Бахрушин С.В. Ясак в Сибири в XVII веке. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1927. 35 с.
3. Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. Екатеринбург: Демидовский институт, 2018. 504 с.
4. Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.: векторы исследования / под ред. Д.А. Редина. СПб.: Алетей, 2018. 722 с.
5. Девис Н.З. Дары, рынок и исторические перемены: Франция, век XVI // Одиссей. Человек в истории. 1992. М., 1994. С. 193–203.
6. Дмитриев В.Д. О ясачном обложении в Среднем Поволжье // Вопросы истории. 1956. № 12. С. 107–115.
7. Дмитриев В.Д. «Царские» наказания казанским воеводам XVII века // История и культура Чувашской АССР. Вып. 3. Чебоксары, 1974. С. 284–418.
8. Дмитриев В.Д. Наказ царя Михаила Федоровича царевкокшайскому воеводе В.Я. Воронову 1628 г. на управление городом и уездом // Марийский археографический вестник. 1992. № 2. С. 62–71.

9. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 622 с.
10. Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. Т. IV. СПб., 1851. 445 с.
11. Зуев А.С., Игнаткин П.С. «Иноземцы» – «свои» и «иные»: понятийно-терминологическая классификация социально-политического статуса сибирских аборигенов в Московском государстве (конец XVI – начало XVIII века) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2016. Т.15, № 8: История. С. 67–85.
12. Зуев А.С., Слугина, В.А. «Служите мне государю своему царю и великому князю Алексею Михайловичю». Русская присяга и шертовальная запись середины XVII в. // Исторический архив. 2011. № 2. С. 183–189.
13. Игнаткин П.С. Собираательно-обобщающие названия аборигенов Сибири в русском коммуникативном пространстве XVI–XVII вв. // Исторический ежегодник: Сб. науч. статей. Новосибирск: Параллель, 2013. Вып. 7. С. 151–168.
14. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 2. Л.: Наука, 1968. 538 с.
15. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М.: РГГУ, 2010. 575 с.
16. Конев А.Ю. Колониальный дискурс имперских классификаций: историки о термине «иноземцы» в отношении народов Сибири // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6(44). Ч. I. С. 81–86.
17. Конев А.Ю. Дар, дань и торговля: антропология взаимодействия автохтонов Сибири и русских в XVII–XIX вв. // Этнографическое обозрение. 2017. № 1. С. 43–56.
18. Копылов А.Н. К вопросу о принципе ясачного обложения и порядке сбора ясака в Сибири (по материалам Томского уезда первой трети XVIII в.) // Известия СО АН СССР. 1969. № 1. Серия: Общественные науки. Вып. 1. С. 58–72.
19. Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в.: историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 1975. 308 с.
20. Миронов Б.Н. Управление этническим многообразием Российской империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 640 с.
21. Окладная книга Сибири 1697 года / подг. текста к публ. В.Э. Булатов, Е.В. Неберекутина. М.: Исторический музей, 2015. 296 с.
22. Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI–XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 348 с.
23. Павлов П.Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII в. Красноярск: Красноярский государственный педагогический институт, 1974. 238 с.
24. Перхавко В.Б. Представления об устройстве общества в средневековой России // 1150 лет российской государственности и культуры: Материалы к Общему собранию Российской академии наук, посвященному Году российской истории. М.: Наука, 2012. С. 69–75.
25. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. I. СПб., 1830. 1075 с.
26. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. III. СПб., 1830. 692 с.
27. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. VI. СПб., 1830. 815 с.
28. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. VII. СПб., 1830. 922 с.

29. Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1882. 214 с.
30. Российская империя: от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М.: «Русская панорама», 2011. 880 с.
31. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Том 2. СПб., 1875. 656 стб.
32. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Том 8. СПб., 1884. 1292 стб.
33. *Самигулов Г.Х.* Ясачные люди, иноземцы, ясак и дарообмен – практические размышления о теории // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 2. С. 342–369. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.342-369
34. *Слэзкин Ю.* Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / авторизованный перевод. с англ. О. Леонтьевой. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.
35. *Слугина В.А.* Правовое оформление российского подданства сибирских народов в XVI–XVII вв.: Шертовальные записи и процедура шертования. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2017. 27 с.
36. *Татищев В.Н.* Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. Ч.3. СПб., 1793. 217 с.
37. *Тишков В.А., Трепавлов В.В.* Синтез народов и культур в Российском государстве (восточное направление колонизации в XV–XVIII веках) // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: К 70-летию академика А.П. Деревянко. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2013. С. 580–599.
38. *Трепавлов В.В.* «Добровольное вхождение в состав России»: торжественные юбилеи и историческая действительность // Вопросы истории. 2007. № 11. С. 155–163.
39. *Шаблей П.* Подданство в Азиатской России: исторический смысл и политико-правовая концептуализация // Вестник Евразии. 2008. № 3. С. 99–122.
40. *Шауро И.Г.* Возникновение и развитие института подданства в России в XVI – начале XX вв. Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. М., 2013. 27 с.
41. *Шунков В.И.* Ясачные люди в Западной Сибири XVII в. // Советская Азия. 1930. № 3–4. С. 184–197; № 5–6. С. 261–271.
42. *Шунков В.И.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1946. 228 с.
43. *Khodarkovsky M.* Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington and Indianapolis, 2002. 290 p.
44. *Kivelson V.A., Suny R.G.* Russia's Empires. New York, Oxford: Oxford University Press, 2017. 420 p.
45. *Ssorin-Chaikov N.* The Social Life of the State in Subarctic Siberia. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2003. 280 p.

Сведения об авторе: Алексей Юрьевич Конев – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Федерального исследовательского центра Тюменского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (625000, ул. Малыгина, 86, Тюмень, Российская Федерация); старший научный сотрудник НОЦ «Наследие» ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет» (630090, ул. Пирогова, 2, Новосибирск, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9844-9599>, ResearcherID: Q-4887-2017. E-mail: aldimoks@mail.ru

Поступила 18.09.2019 Принята к публикации 27.11.2019
Опубликована 29.12.2019

REFERENCES

1. *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoy komissiiy* [Historical Acts Collected and Published by Archaeographic Commission]. Vol. IV. St. Petersburg, 1842. 599 p. (In Russian)
2. Bakhrushin S.V. *Yasak v Sibiri v XVII veke* [Yasak in Siberia in the 17th century]. Novosibirsk: Sibkraizdat Publ., 1927. 35 p. (In Russian)
3. Vershinin E.V. *Russkaya kolonizatsiya Severo-Zapadnoy Sibiri v konets XVI–XVII vv.* [Russian Colonization of the North-Western Siberia in the end of the 16th–17th centuries]. Ekaterinburg: Demidovskii institute Publ., 2018. 504 p. (In Russian)
4. *Granicy i markery social'noj stratifikatsii v Rossii XVII–XX vv.: vektory issledovaniya* [Boundaries and Markers of Social Stratification in 17th–20th century Russia: Vectors of Research]. D.A. Redin (ed.). St. Petersburg: Aletejya Publ., 2018. 722 p. (In Russian)
5. Devis N.Z. Dary, rynek i istoricheskie peremeny: Frantsiya, vek XVI [Gifts, market and historical changes: France, 16th century]. *Odisei. Chelovek v istorii=Odysseus. Man in history*. 1992. Moscow, 1994. pp. 193–203. (In Russian)
6. Dmitriev V.D. O yasachnom oblozhenii v Srednem Povolzh'e [On the imposition of yasak in the Middle Volga Region]. *Voprosy istorii =Questions of History*. 1956, no. 12, pp. 107–115. (In Russian)
7. Dmitriev V.D. «Tsarskie» nakazy kazanskim vovodam XVII veka [Instructions of the tsar to Kazan voivodes in the 17th century]. *Istoriia i kul'tura Chuvashskoi ASSR=History and Culture of the Chuvash ASSR*. Is. 3. Cheboksary, 1974. pp. 284–418. (In Russian)
8. Dmitriev V.D. Nakaz tsaria Mikhaila Fedorovicha tsarevokokshaiskomu vovode V.Ya. Voronovu 1628 g. na upravlenie gorodom i uездом [The 1628 instruction of tsar Mikhail Fedorovich to Tsaryovokokshaysk voivode V.Ya. Voronov to govern the city and the uyezd]. *Mariiskii arkheograficheskii vestnik=Mari Archeographical Herald*. 1992, no. 2, pp. 62–71. (In Russian)
9. Dolgikh B.O. *Rodovoy i plemennyi sostav narodov Sibiri v XVII v.* [Clan and Tribal Composition of Siberian Peoples in the 17th century]. Moscow: Akademiya nauk SSSR Publ., 1960. 622 p. (In Russian)
10. *Dopolneniya k Aktam istoricheskim, sobrannym i izdannym Arkheograficheskoy komissiiy* [Amendments to Historical Acts Collected and Published by the Archaeographic Commission]. Vol. IV. St. Petersburg, 1851. 445 p. (In Russian)
11. Zuev A.S., Ignatkin P.S. «Inozemcy» – «svoi» i «inye»: ponyatijno-terminologicheskaya klassifikatsiya social'no-politicheskogo statusa sibirskikh aborigenov v Moskovskom gosudarstve (konec XVI – nachalo XVIII veka) [“Foreigners” – “our own” and “other”: terminological classification for social and political status of Siberian natives in the Moscow state (end of the 16th – beginning of the 18th century)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya=Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*. 2016. vol. 15, no. 8, pp. 67–85. (In Russian)
12. Zuev A.S., Slugina, V.A. «Sluzhite mne gosudaryu svoemu tsaryu i velikomu kniazyu Alekseyu Mikhailovichu». Russkaya prisyaga i shertoval'naya zapis' serediny XVII v. [“Serve me, as I am your sovereign, your tsar and grand duke Akeksey Mikhailovich”. Russian oath and shert letter in the middle of the 17th century]. *Istoricheskii arkhiv=Historical Archive*. Moscow, 2011, no. 2, pp. 183–189. (In Russian)

13. Ignatkin P.S. Sobiratel'no-obobshchaiushchie nazvaniya aborigenov Sibiri v russkom kommunikativnom prostranstve XVI–XVII vv. [Generic and generalized terms for the indigenous Siberian peoples in the Russian communicative space in the 16th–17th centuries]. *Istoricheskii ezhegodnik=Historical Yearbook*. Is. 7. Novosibirsk: Parallel' Publ., 2013, pp. 151–168. (In Russian)

14. *Istoriya Sibiri s drevneishikh vremen do nashikh dnei*. [History of Siberia from the Ancient Times until Our Days]. Vol. 2. Leningrad: Nauka Publ., 1968. 538 p. (In Russian)

15. Kamensky A.B. *Ot Petra I do Pavla I: reformy v Rossii XVIII veka (opyt celostnogo analiza)* [From Peter I to Paul I: Reforms in Russia of the eighteenth century (the experience of holistic analysis)]. Moscow: RGGU Publ., 2010. 575 p. (In Russian)

16. Konev A.Y. Kolonial'nyi diskurs imperskikh klassifikatsii: istoriki o termine «inozemtsy» v otnoshenii narodov Sibiri [The colonial discourse of imperial classifications: historians on the term “foreigners” regarding indigenous peoples of Siberia]. *Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki=Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2014, no. 6(44), pt. 1, pp. 81–86. (In Russian)

17. Konev A.Y. Dar, dan' i trgovlia: antropologiya vzaimodeistviia avtokhtonov Sibiri i russkikh v XVII–XIX vv. [Gift, tribute and trade: an anthropology of interaction between the natives of Siberia and the Russians in the 17th–19th centuries]. *Etnograficheskoe obozrenie=Ethnographic Review*. 2017, no. 1, pp. 43–56. (In Russian)

18. Kopylov A.N. K voprosu o printsipe yasachnogo oblozheniya i poryadke sbora yasaka v Sibiri (po materialam Tomskogo uezda pervoj treti XVIII v.) [To the question of principle on the imposition of yasak and the order of its collection in Siberia (based on materials of Tomsk uyezd of the first third of the 18th century)]. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR. Seriya: Obshchestvennye nauki=Bulletin of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. Series: Social Science*. 1969, no. 1. Is. 1, pp. 58–72. (In Russian)

19. Minenko N.A. *Severo-Zapadnaya Sibir' v XVIII – pervoj polovine XIX v.: istoriko-etnograficheskii ocherk* [North-Western Siberia in the 18th – the first half of the 19th centuries: A Historical and Ethnographic Essay]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1975. 308 p. (In Russian)

20. Mironov B.N. *Upravlenie etnicheskim mnogoobraziem Rossiyskoy imperii* [Management of the Ethnic Diversity in the Russian Empire]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2017. 640 p. (In Russian)

21. *Okladnaya kniga Sibiri 1697 goda*. [Siberian Accountant Cadastral Book of 1697]. V.E. Bulatov, E.V. Neberecutina (eds). Moscow: Istoricheskii muzey Publ., 2015. 296 p. (In Russian)

22. Oparina T.A. *Inozemtsy v Rossii XVI–XVII vv. Ocherki istoricheskoy biografii i genealogii* [Foreigners in Russia in the 16th–17th centuries. Essays on Historical Biography and Genealogy]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2007. 384 p. (In Russian)

23. Pavlov P.N. *Promyslovaya kolonizatsiya Sibiri v XVII v.* [Hunting Colonization of Siberia in the 17th century]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical Institute Publ., 1974. (In Russian)

24. Perkhavko V.B. *Predstavleniia ob ustroistve obshchestva v srednevekovoi Rossii* [Understanding of the Social Structure in the Medieval Russia]. *1150 let rossiiskoi gosudarstvennosti i kul'tury: Materialy k Obshchemu sobraniu Rossiiskoi akademii nauk, posviashchennomu Godu rossiiskoi istorii=1150 Years of Russian Statehood and Culture: Materials for the General Meeting of the Russian Academy of Sciences Dedicated to the Year of Russian History*. Moscow: Nauka Publ., 2012. pp. 69–75. (In Russian)

25. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie pervoe* [Complete Collection of Laws of Russian Empire. The First Collection]. Vol. I. St. Petersburg, 1830. 1075 p. (In Russian)

26. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie pervoe* [Complete collection of laws of Russian Empire. Collection. No. 1]. Vol. III. St. Petersburg, 1830. 692 p. (In Russian)

27. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie pervoe* [Complete Collection of Laws of Russian Empire. The First Collection]. Vol. VI. St. Petersburg, 1830. 815 p. (In Russian)

28. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie pervoe* [Complete Collection of Laws of Russian Empire. The First Collection]. Vol. VII. St. Petersburg, 1830. 922 p. (In Russian)

29. *Puteshestvie chrez Sibir' ot Tobol'ska do Nerchinska i granic Kitaya russkogo poslannika Nikolaya Spafariya v 1675 godu* [Journey through Siberia from Tobolsk to Nerchinsk and the Borders of China by the Russian Envoy Nikolai Spafari in 1675]. St. Petersburg, 1882. 214 p. (In Russian)

30. *Rossiyskaya imperiya: ot istokov do nachala XIX veka. Ocherki sotsial'no-politicheskoi i ekonomicheskoi istorii* [The Russian Empire: From the Origins to the beginning of the 19th century. Essays on Social, Political and Economic History]. Moscow: Russkaia panorama Publ., 2011. 880 p. (In Russian)

31. *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoi komissiei* [Russian Historical Library Published by the Archaeographic Commission]. Vol. 2. St. Petersburg, 1875. (In Russian)

32. *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoyu komissieyu* [Russian Historical Library Published by the Archaeographic Commission]. Vol. 8. St. Petersburg, 1884. (In Russian)

33. Samigulov G.Kh. Yasachnye lyudi, inozemcy, yasak i daroobmen – prakticheskie razmyshleniya o teorii [Yasak people, foreigners, yasak and exchange of gifts – practical thinking about a theory]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 2, pp. 342–369. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.342-369 (In Russian)

34. Slezkin Yu. *Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North*. Ithaca, Cornell University Press, 1994. 456 p (Russian version: Slezkin Yu. *Arkticheskie zerkala: Rossiya i malye narody Severa*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. 512 p.)

35. Slugina V.A. *Pravovoe oformlenie rossiyskogo poddanstva sibirskikh narodov v XVI–XVII vv.: Shertoval'nye zapisi i protsedura shertovaniya. Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk* [Legal Registration of the Russian Allegiance of the Siberian Peoples in the 16th–17th centuries: Shert Letters and the Shert Procedure. PhD Abstract]. Novosibirsk, 2017. 27 p. (In Russian)

36. Tatishchev V.N. *Leksikon rossiyskoy istoricheskoy, geograficheskoy, politicheskoy i grazhdanskoy*. Part 3 [Russian Historical, Geographical, Political and Civil dictionary. Part 3]. St. Petersburg, 1793. 217 p. (In Russian)

37. Tishkov V.A., Trepavlov V.V. *Sintez narodov i kul'tur v Rossiyskom gosudarstve (vostochnoe napravlenie kolonizatsii v XV–XVIII vekakh)* [Synthesis of peoples and cultures in the Russian state (Eastern Colonization in the 15th–18th centuries)]. *Fundamental'nye problemy arkheologii, antropologii i etnografii Evrazii: K 70-letiiu akademika A.P. Derevyanko=Basic Issues in Archaeology, Anthropology and Ethnography of Eurasia: On the Occasion of the A. Derevianko's 70th birthday*. Novosibirsk: Institut arheologii i jetnografii Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk Publ., 2013. pp. 580–599. (In Russian)

38. Trepavlov V.V. «Dobrovol'noe vkhozhdenie v sostav Rossii»: torzhestvennye iubilei i istoricheskaya deistvitel'nost' [“Voluntary accession to Russia”: solemn anniversaries and historical reality]. *Voprosy istorii=Questions of History*. 2007, no. 11, pp. 155–163. (In Russian)

39. Shabley P. *Poddanstvo v Aziatskoj Rossii: istoricheskiy smysl i politiko-pravovaia kontseptualizatsiia* [Patriality in Asian Russia: historical implication and political and legal conceptualization]. *Vestnik Evrazii=Acta Eurasica*. 2008, no. 3, pp. 99–122. (In Russian)

40. Shauro I.G. *Vozniknovenie i razvitiie instituta poddanstva v Rossii v XVI – nachale XX vv. Avtoref. ... diss. kand. iur. nauk* [Formation and Development of Allegiance in Russia in the 16th – beginning of the 20th centuries. PhD Abstract]. Moscow, 2013. 27 p. (In Russian)

41. Shunkov V.I. Yasachnye liudi v Zapadnoy Sibiri XVII v. [Yasak people in Western Siberia in the 17th century]. *Sovetskaya Aziya = Soviet Asia*. 1930, no. 3–4, pp. 184–197; no. 5–6, pp. 261–271. (In Russian)

42. Shunkov V.I. *Ocherki po istorii kolonizatsii Sibiri v XVII–nachale XVIII vekov* [Essays on the History of Colonization of Siberia in the 17th – beginning of the 18th centuries]. Moscow–Leningrad: Akademiya nauk SSSR Publ., 1946. 228 p. (In Russian)

43. Khodarkovsky M. *Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800*. Bloomington and Indianapolis, 2002. 290 p.

44. Kivelson V.A., Suny R.G. *Russia's Empires*. New York, Oxford: Oxford University Press, 2017. 420 p.

45. Ssorin-Chaikov N. *The Social Life of the State in Subarctic Siberia*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2003. 280 p.

About the author: Aleksey Yu. Konev – Cand. Sci. (History), Leading Researcher Fellow of the Federal Research Center Tyumen Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (86, Malygin Str., Tyumen 625000, Russian Federation); Senior Researcher Fellow of the Scientific and Educational Center “Legacy”, Novosibirsk State University (2, Pirogov Str., Novosibirsk 630090, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9844-9599>, ResearcherID: Q-4887-2017. E-mail: aldimoks@mail.ru

*Received September 18, 2019 Accepted for publication November 27, 2019
Published December 29, 2019*